

Цубикова Любовь Сергеевна

РАСКУЛАЧИВАНИЕ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

Автор рассматривает документы, на основании которых в начале 1930-х годов в Восточной Сибири проводилось раскулачивание. Проанализирован порядок разделения кулаков на три категории. Выявлены особенности проведения раскулачивания в данном регионе. Охарактеризованы условия содержания кулаков на пересыльных пунктах, в исправительно-трудовых учреждениях и на местах вселения, процесс организации переселения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. I. С. 196-200. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

PAMIRI LANGUAGES DEVELOPMENT AND PRESERVATION PROBLEMS IN MODERN TAJIKISTAN

Munirsho Mullomamadovich Khudoerov*Centre of Asian and Pacific Researches**Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklouho-Maclay**Russian Academy of Sciences**chashma@yandex.ru*

The author analyzes the problem of the preservation and development of Pamiri languages which still don't have written variants and are deprived of social function, tells about their role in the process of the ethnic mobilization of the population of Gorno-Badakhshan Autonomous Region at the turn of the 1980s-1990s, tackles the normative documents of Tajikistan about languages and considers the plans of the Pamiri languages revival and the political conditions which determine the ways of solving the designated problem.

Key words and phrases: ethnic revival; national movement; language policy; Pamiri languages; Pamir; Tajikistan; bilingualism; poly-lingualism.

УДК 94(57)

Автор рассматривает документы, на основании которых в начале 1930-х годов в Восточной Сибири проводилось раскулачивание. Проанализирован порядок разделения кулаков на три категории. Выявлены особенности проведения раскулачивания в данном регионе. Охарактеризованы условия содержания кулаков на пересыльных пунктах, в исправительно-трудовых учреждениях и на местах вселения, процесс организации переселения.

Ключевые слова и фразы: раскулачивание; расселение кулаков; Восточная Сибирь; положение раскулаченных.

Любовь Сергеевна Цубикова, к.и.н.*Кафедра общинженерной подготовки**Иркутский государственный технический университет (филиал) в г. Усолье-Сибирское**lkor11@rambler.ru***РАСКУЛАЧИВАНИЕ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. ©**

Изучение истории раскулачивания в конце XX в. – начале XXI в. стало одним из приоритетных направлений в отечественной историографии. На сегодняшний день имеющиеся труды носят как общероссийский характер [11-13; 16], так и региональный [10; 14; 15; 18]. Вместе с тем, вопросы раскулачивания и выселения крестьян в крупнейшем регионе – Восточной Сибири – остаются слабо изученными.

Основным документом по «ликвидации кулачества» и массовым депортациям стало секретное постановление ЦК от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств по районам сплошной коллективизации», а конкретные меры по организации депортаций рассматривались в секретной инструкции ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. «О мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков, конфискации их имущества». Аналогичные нормативно-правовые акты принимались на местах. В Восточной Сибири к «ликвидации кулачества» приступили на основании секретного постановления крайкома ВКП(б) от 2 февраля 1930 г. «О мерах к выполнению решения ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и ликвидации кулака как класса» [9, д. 112, л. 8-11]. По данным документам все кулачество было разделено на три категории, к каждой из них применялись определенные санкции. Нужно отметить, что в печати был опубликован сокращенный вариант постановления Сибкрайкома о раскулачивании. Так, в газете «Власть труда» он появился 16 февраля. В нем предусматривалось деление кулака только на две группы: «первая» – «кулацкий актив наиболее богатых кулаков, которые подлежат высылке в отдаленные местности» и «вторая» – «все остальные кулацкие хозяйства, оставленные в пределах районов данного округа и расселяемые на новых, отведенных им в пределах колхозов участках» [1]. Таким образом, о действительной «первой категории», к которой применялась наиболее жесткая форма репрессии, ничего официально не было сказано.

«Первая категория» – «контрреволюционный кулацкий актив», который нужно «ликвидировать путем заключения в концлагеря, не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессии» [9, д. 112, л. 9]. Дела на лиц, входящих в «первую категорию», рассматривались во внесудебном порядке тройками ПП ОГПУ совместно с представителями от Крайкома ВКП(б) и Прокуратуры. Постановления тройки ПП ОГПУ о конфискации имущества и выселении семей осужденных оформлялись через

окрисполкомы. При выселении этой категории ПП ОГПУ должны были учитывать наличие в семье трудоспособных и степень социальной опасности этих семей [Там же, л. 152-153].

В Сибири к «первой категории», согласно приказу ОГПУ «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса» от 2 февраля 1930 г., было отнесено 5-6 тысяч человек [Там же, л. 163-167]. Восточно-Сибирским Крайсудом была заведена «особая папка» – «О карательной политике по контрреволюционным преступлениям», где отражались проводимые процессы по «первой категории». Так, за период с 1 октября 1930 г. по 1 мая 1931 г. судебными органами было привлечено к ответственности и осуждено в порядке открытых судебных процессов 385 чел., в том числе: за терроризм – 220, контрреволюционную агитацию – 91, поджог имущества социального сектора – 39. В результате 165 чел. было приговорено к расстрелу, а остальные пополнили места лишения свободы [4, д. 40, л. 24]. Но большинство рассматриваемых дел, «как имеющих большое общественно-политическое значение, должны были восполнить внесудебную репрессию ОГПУ», т.е. параллельно шло рассмотрение дел органами ОГПУ. За тот же период ими было осуждено 3 151 чел., из них к высшей мере «социальной защиты» было приговорено 771 чел., в концлагеря отправлено – 1 170 чел. [Там же].

К концу 1932 г. местные власти столкнулись с проблемой перегруженности мест лишения свободы, особенно закрытого типа. Секретный циркуляр от 23 декабря 1932 г., адресованный председателям краевых и областных судов, сообщал: «Количество лишенных свободы нередко превышает число имеющихся в исправительно-трудовых учреждениях штатных мест в 2-3 раза» [Там же, л. 40]. Решение этой проблемы было найдено в ускорении рассмотрения дел. Все дела, по которым обвиняемые находились под стражей, должны были рассматриваться в пятидневный срок со дня получения дела и в 48-часовой срок копии приговоров передаваться начальнику дома лишения свободы или места предварительного заключения для приобщения к личному делу заключенного. Кассационный срок сокращался с четырнадцати до пяти дней [Там же, л. 57].

«Вторую категорию» должны были «составить остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые подлежат высылке в отдаленные местности СССР и в пределах данного края в отдаленные районы края» [9, д. 112, л. 9]. Списки кулацких хозяйств «второй категории» устанавливались райисполкомами на основании решений колхозных и батрацко-бедняцких собраний. Последних контролировали сельсоветы, которые ставили эти вопросы на собраниях колхозников и батрацко-бедняцких слоев деревни, с участием представителей от местных общественных организаций, с привлечением на собрания середняцкого актива. Окончательное утверждение списков «кулацких семей», подлежащих выселению и внутреннему расселению, проводилось окружным исполнительным комитетом по представлениям сельских советов и рабочих исполнительных комитетов [1].

Земельные органы и переселенческое управление определяли районы и подготавливали их для переселения. Порядок переселения семей в отдаленные местности устанавливался особо. Отдельные члены семей выселяемых кулаков могли остаться по их желанию на месте, при условии соответствующей характеристики группами бедноты, в каждом отдельном случае с решения исполкома.

Согласно циркуляру Наркомюста, Верховного суда и Краевого суда «О порядке изъятия имущества и выселения кулацких хозяйств из мест сплошной коллективизации» от 26 февраля 1930 г. все кулацкие хозяйства Иркутского округа, отнесенные ко «второй категории», подлежали выселению в необжитую местность в северную часть Братского района и юго-восточную часть Нижне-Илимского района по Илимскому тракту, между реками: с юга – Ангарой и с севера – Илимом [4, д. 34, л. 20]. Причем, были установлены «нормы» по количеству выселения «кулацких семей», например: Куйтунский район – 250 семей, Тулунский – 200, Черемховский – 200, Жигаловский – 100, Балаганский – 100, Заларинский – 100, Усольский – 100, Иркутский – 30, Зиминский – 14, Братский – 10, Тагнинский – 10 семей и т.д. Всего планировалось выселить по округу 1 264 семьи [Там же]. По Красноярскому округу подлежало переселению 857 семей (в северные округа), по Канскому – 1 218 семей (в Приангарский район Канского округа). Всего, в целом по Сибири, должно было быть переселено 30 тыс. кулацких семей [18, с. 24].

Сибирь была местом не только внутреннего переселения кулацких семей, но и водворения «раскулаченных» из других районов страны. Многие из них находились в колониях, ожидая своего распределения. Из докладной записки о результатах проверки спецсводок от 15 августа и 10 октября по вопросам состояния Иркутской области от 31 декабря 1931 г.: «...органы милиции допускают исключительнейшие безобразия в форме массового завоза с Запада в Иркутск ссыльных, которые, после длительного и никому не нужного содержания в Иркутске, такими же партиями обычно вывозятся обратно и, подчеркиваем, в ту же западную сторону. Из 3600 проверенных ссыльных – 3300 чел. было вывезено обратно в западном направлении. Все это привело к тому, что колония превращена в этапный пункт» [8, д. 174, л. 34].

Документы 1932 г. свидетельствовали о перегрузке исправительно-трудовых учреждений в Восточно-Сибирском крае. Так, на 3 марта 1932 г. заключенных было на 74% больше положенных штатных мест. Причем, из общего количества заключенных 30,9% составляли пересыльные: «находились под стражей несколько месяцев в ожидании навигации по рекам края для следования к месту ссылки». В этом же году в колониях работала комиссия по проблеме перегруженности, и в результате ее работы 402 кулакам была произведена замена меры социальной защиты. Из них 72 было отправлено в концлагерь ОГПУ, у 204 кулаков лишение свободы заменено ссылкой и 129 передано в отдел спецпереселенцев. «В отношении кулаков, тех из них, которых невозможно было использовать на трудовых работах в колониях и невозможно их хозяйственное устройство в

условиях ссылки ввиду старческой дряхлости, инвалидности, комиссия приходила к выводу о необходимости их освобождения за нецелесообразностью содержания ничего не делающей массы людей на бюджете государства, так как возраст отдельных заключенных кулаков доходил до 96 лет» [Там же, л. 179, 180].

По данным на 15 мая 1931 г., на территории Восточно-Сибирского края кулаки, высылаемые по «второй категории», расселялись в 46 кулацких поселках в следующих районах: Кежемском, Богучанском, Абанском, Канском, Ирбейском, Рыбинском, Агинском, Енисейском, Братском, Иркутском, Черемховском, Усольском, Жигаловском, Усть-Карийском и Олинском. Тогда в районы Восточно-Сибирского края было вселено 5 577 семей или 24 841 чел. [3, д. 1, л. 10].

К сентябрю 1931 г., согласно справке СПО ОГПУ «О политико-экономическом состоянии кулацкой ссылки» от 26 августа 1931 г., в этих поселках находилось 26 613 семей или 129 881 чел. [17, д. 263, л. 762].

Циркуляр «О порядке изъятия имущества и выселения кулацких хозяйств из мест сплошной коллективизации» давал инструкцию и о переселении кулаков, относившихся к «третьей категории», куда «входят оставаемые в пределах района кулаки, которые подлежат расселению на новых выделенных им за пределами колхозных участках», с указанием точных географических мест:

- 1) кулацкие хозяйства Тулунского, Куйтунского районов выселяются в необжитые места Тагнинского района – по р. Черная и р. Белая Тагна и их притокам;
- 2) кулацкие хозяйства Заларинского, Черемховского, Тагнинского районов – по р. Малая и Большая Белая Черемховского районов;
- 3) кулацкие хозяйства Усольского района селятся в вершине р. Китой Усольского района;
- 4) кулацкие хозяйства Иркутского района в необжитую часть по р. Иркут Иркутского района, между д. Быстрой и д. Моты;
- 5) кулацкие хозяйства Зиминского района – в северную часть Зиминского района к границе Усть-Удинского района;
- 6) кулацкие хозяйства Балаганского района и Усть-Удинского района к границе северной части Зиминского района;
- 7) кулацкие хозяйства Жигаловского района – по р. Илга Жигаловского района;
- 8) кулацкие хозяйства Качугского и Оекского района – по Куленгискому тракту Качугского района;
- 9) кулацкие хозяйства Нижне-Илимского и Братского районов – в пределы своего района по указанию райисполкомов [4, д. 34, л. 21].

Кулацкие семьи расселялись небольшими поселками, управление которыми осуществлялось специальными комиссиями или уполномоченными, назначаемыми райисполкомами и утверждаемыми окрисполкомами. Такие кулацкие хозяйства должны были выполнять задания по сельхозпроизводству и обязательства по сдаче товарной продукции кооперативным органам.

На территории Сибири был создан один из самых крупных центров ссылки. В октябре 1930 г. было сформировано Восточно-Сибирское переселенческое управление. С 15 октября 1930 г. переселенческие пункты были созданы при следующих станциях: Красноярск, Канск, Тайшет, Тулун, Иркутск, В-Удинск, Чита и Куенга.

За период 1930-1931 гг. было размещено на территории Восточной Сибири 10 487 семей из других районов страны (Украины, Средней Волги, Центрально-Черноземного района, Башкирии, Ленинградской области) и 16 068 семей переселены внутри неё [9, д. 113, л. 98]. Таким образом, 26 555 семей попали под репрессию раскулачивания.

Высылка производилась через местный административный отдел, которому суд посылал копию приговора, беря от осужденного подписку о том, что он обязуется покинуть местность, проживание в которой ему запрещено, в недельный срок и не возвращаться в неё в течение определенного срока (от одного до пяти лет). Временное возвращение на место, откуда осужденный был выслан, допускалось лишь при наличии достаточных оснований (болезнь семьи, пожар и иные стихийные бедствия) по разрешению прокурора того района, из которого осужденный был выслан [5, д. 288, л. 15].

Процесс переселения кулаков был плохо организован. Так, в докладной записке от 26 сентября 1930 г. С. А. Мессинга председателю комиссии СНК СССР по устройству выселенных кулаков В. В. Шмидту о положении высланных кулаков «второй категории» сообщалось: «Все выселенные и переселенные кулаки 14 мая с.г. были переданы в ведение крайадмтдела. Однако крайадмтдел до сих пор не располагает более или менее четким учетом кулацкой ссылки, степенью её хозяйственного устройства в местах постоянного расселения и движения промышленно-используемых групп. Строительство поселков сорвано, переселенные кулаки жилищами не обеспечены. ...Хозяйственная неустроенность, слабый надзор и охрана вселенных кулаков привели к значительному бегству кулачества с мест постоянного поселения. По неполным данным, к настоящему времени бежавших кулаков числится до 13 тыс. чел., причем крайадмтдел точного учета бежавших кулаков также не имеет» [19, д. 234, л. 649, 651].

«Раскулачивание» и высылка выявили массу нестыковок проводимых мероприятий. Документы по организации высылки имели догоняющий характер. Так, массовое переселение началось с января 1930 г., но только в июле 1931 г. было издано постановление ЦИК СССР, регулирующее правовое положение переселенцев (военный учет, регистрация актов гражданского состояния и др.), лишь в сентябре 1930 г. стали работать статистические органы по учету переселенцев. О последнем красноречиво свидетельствует запись

сообщения по прямому проводу № 26687 ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю Заковского полномочным представителям ОГПУ Восточной Сибири и Дальнего Востока по вопросам приема прибывающих к «кулакам-одиначкам» от 25 сентября 1930 г.: «Примите меры к выявлению списочного состава переселенцев, находящихся на вашей территории» [17, с. 471].

Далеко не всегда выполнялись те предписания, которые должны были проводиться по отношению к «ликвидируемым». При выселении кулаков «второй категории» необходимо было создать, так называемый, натурфонд, без которого выселять было запрещено. Из спецсводки Иркутского орготдела ОГПУ о ходе работ по посевной кампании, коллективизации и раскулачиванию на 7 апреля 1930 г.: «В Тагнинском районе, где было намечено к высылке кулаков второй категории 10 хозяйств, РИК экспроприацию имущества произвел, а к моменту высылки не сумел создать натурфонд, благодаря которому высылка сорвана, кулаки переведены в третью категорию»; «в Оёкском районе по четырем сельсоветам (Тугутуйскому, Заларинскому, Хоротскому и Никольскому) сплошной коллективизацией было намечено 26 кулацких хозяйств к выселению по второй категории. При проведении мероприятий по сбору натурфонда оказалось возможным выселить только 13 хозяйств. Остальные кулацкие хозяйства, как не снабженные натурфондом, были переведены в третью категорию» [7, д. 1507, л. 166, 167].

Согласно «Временному положению об оперативных отрядах сибирского районного переселенческого управления», для непосредственного производства работ по подготовке земельных территорий для использования их под заселение должны были организовываться оперативные отряды СибРПУ. Они должны были выполнять весь комплекс работ по подготовке фонда и по его хозяйственному обслуживанию (работы дорожные, мелиоративные, землеотводные, сельскохозяйственные), а также и операции зачисления, водворения и хозобслуживания переселенцев на территории отряда [6, д. 31, л. 20]. Но места высылки не были вовремя подготовлены к принятию «кулацких семей» в полном объеме не только из-за коротких сроков проведения акции выселения, но и из-за недостаточного финансирования. Так, в 1931 г. планировалось разместить 22 898 человек, средств на обустройство было отпущено только на 20 000 чел. [3, д. 1, л. 18]. В сентябре 1931 г., в связи с нехваткой денежных средств на эти цели, райисполкомам и горсоветам края было разрешено покрывать производимые ими расходы, связанные с перевозкой «кулаков» и их семейств до сборных пунктов, за счет сумм, получаемых от реализации кулацких имуществ из той их части, которая оставалась после полного погашения недоимок этих хозяйств по всем государственным и местным налогам и сборам [Там же, л. 71]. Эти данные свидетельствуют о неподготовленности и непродуманности организационно-управленческого механизма по выработке и реализации решений на разных уровнях власти.

Районами «кулацкой» ссылки стали зоны тайги, удаленные на сотни километров от основных путей сообщения и промышленных центров. На местах вселения отмечалось отсутствие нормальных жилищных условий, недостаток продовольствия. В одном из документов отмечается: «Семьи кулаков в большинстве случаев живут в бараках, размещенных по 5-10 человек. Полы в бараках земляные, отапливаются бараки железными печами. В деле разгрузки жилплощади ничего не предпринимается. Дети и члены семей ничего, кроме 400 гр. хлеба, не получают, несмотря на то, что по договору СКАУ они должны снабжаться наравне с семьями остальных рабочих. Пища в столовой также не отпускается» [Там же, д. 688, л. 11].

Краткая справка СПО ОГПУ «О политико-экономическом состоянии кулацкой ссылки» от 26 августа 1931 г. подтверждает тяжелое положение выселяемых: «Участки для поселения кулаков в ряде районов отводились “на глаз”, без предварительного обследования местности, учета возможности занятия сельским хозяйством и прочее. Это обстоятельство, при наличии скверных жилищных условий и недостатка продовольствия, отражается на хозяйственном освоении отведенных участков. Вследствие нераспорядительности, из общего числа ссыльных на работах занята незначительная часть, а остальные не используются. Культурное и медицинское обслуживание кулацких поселков совершенно отсутствует, в результате чего отмечены случаи массовых инфекционных заболеваний, особенно детей. Усилилась смертность» [17, с. 762]. На начало 1932 г. смертность была выше рождаемости почти в 2 раза, то на 1 января 1933 г. – более чем в 4 раза [2, д. 37, л. 16].

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о спецпоселенцах от 10 июля 1931 г. разрешало направлять выселяемых кулаков на производство и в организации на основе сделанных последними заявок. Например, в 1931 г. была удовлетворена заявка Востугля на 1 тыс. семей спецпереселенцев-кулаков для работы в Черемховском угольном разрезе за счет башкирских спецпереселенцев и 500 тыс. семей спецпереселенцев запланировано было отправить на Богучаны – за счет внутреннего восточносибирского спецпереселения [20, д. 51, л. 149, 150].

Также труд высланных кулаков применялся при строительстве различных объектов в военизированных частях тылового ополчения. Так, на территории Восточной Сибири располагались части Цудортранса, которые состояли из «деклассированного элемента, заключенных, переданных из мест заключения, беспризорников и высланных кулаков», последних было 1 485 (на 1 мая 1933 г.), что составило 33% [8, д. 534, л. 14-15]. Они строили Ангара-Ленский тракт (для обслуживания северных перевозок) и Тункинский тракт (путь в Монголию). Такие части плохо финансировались, отсутствовало медицинское обслуживание. «Бараки сделаны плохо и на скорую руку. Теснота размещения – в бараках вместимостью 60 чел. помещается 130 чел. Люди спят скученно, постельных принадлежностей нет, за исключением одних матрасных наволочек, которые за неимением соломы не набиты. Женщины на участке Харбадан находятся в еще худших условиях, не имеют даже матрацев (Тункинский тракт). Печами бараки не оборудованы, зимой в помещениях стоял

сильный холод. Жилищной площадью части тылового ополчения не обеспечены, посему значительная часть людей расквартирована по поселкам (Ангаро-Ленский и Тункинский тракт) ...Антисанитарные условия, перебои в питании, отсутствие одежды и тому подобные явления вызвали большую заболеваемость и смертность в среде тылооборонцев» [Там же, л. 18-19].

Таким образом, выселенные кулаки и направленные для освоения необжитых территорий, на стройки, рудники и другие работы, оказались в тяжелых условиях самовывживания. Причинами этого явились желание советского руководства осуществить политику раскулачивания в короткие сроки, низкое финансирование, слабая организация; зачастую, распоряжения, приказы и другие официальные документы по проведению тех или иных мероприятий являлись не ведущими (направляющими), а ответными на уже сложившуюся ситуацию. Крестьянин был ограничен в гражданских правах, т.к. он не мог самостоятельно выбирать род деятельности, место жительства. В целом, политика раскулачивания в Восточной Сибири, несмотря на ряд ее особенностей при проведении, осуществлялась в рамках общегосударственной политики, проводимой с целью огосударствления всех сфер жизни общества.

Список литературы

1. **Власть труда.** 1930. 16 февраля.
2. **Государственный архив Иркутской области** (ГАИО). Ф. Р-218. Оп. 1.
3. **ГАИО.** Ф. Р-600. Оп. 1.
4. **ГАИО.** Ф. Р-1744. Оп. 1.
5. **Государственный архив Красноярского края** (ГАКК). Ф. Р-44. Оп. 1.
6. **ГАКК.** Ф. Р-422. Оп. 1.
7. **Государственный архив новейшей истории Иркутской области** (ГАНИ ИО). Ф. 16. Оп. 1.
8. **ГАНИ ИО.** Ф. 123. Оп. 1.
9. **ГАНИ ИО.** Ф. 154. Оп. 1.
10. **Гущин Н. Я.** «Раскулачивание» в Сибири (1928-1934): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: Наука (Сиб. отд-ние), 1996. 159 с.
11. **Доброноженко Г. Ф.** Нормативно-правовая база судебных репрессий при проведении политики «ликвидации кулачества как класса» (первая половина 1930 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 1. С. 49-54.
12. **Зеленин И. Е.** Крестьянство и власть в СССР после «революции сверху» // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 14-32.
13. **Ивницкий Н. А.** Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов). М.: Магистр, 1996. 288 с.
14. **Красильников С. А.** Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2003. 287 с.
15. **Леконцев О. Н.** Сопротивление крестьянства политике сплошной коллективизации в Вятской губернии и Вотской автономной области (ноябрь 1929 г. – март 1930 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3. Ч. 1. С. 100-104.
16. **Никулин Р. Л.** Политический контроль над коммунистической молодежью в период коллективизации: формы, инструменты и последствия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2. С. 60-63.
17. **Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939:** документы и материалы: в 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 3. Кн. 1. 864 с.
18. **Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г.:** сб. документов / сост. С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова, Т. Н. Осташко и др.; отв. ред. В. П. Данилов, С. А. Красильников. Новосибирск: Наука, 1992. 283 с.
19. **Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939:** документы и материалы: в 5-ти т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. 927 с.
20. **Там же.** 2001. Т. 3. 1008 с.

DISPOSSESSION OF KULAKS IN EASTERN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE 1930S

Lyubov' Sergeevna Tsubikova, Ph. D. in History
Department of General Engineering Training
Irkutsk State Technical University (Branch) in Usol'e-Sibirskoe
lkor11@rambler.ru

The author considers the documents on the basis of which dispossession of kulaks was realized in Eastern Siberia at the beginning of the 1930s, analyzes the procedure of dividing kulaks into three categories, reveals the peculiarities of dispossession of kulaks realization in this region and characterizes the conditions of kulaks' confinement at transit camps, in houses of correction and at immigration places and also the process of migration organization.

Key words and phrases: dispossession of kulaks; kulaks' settling; Eastern Siberia; dispossessed kulaks' status.